

Смута новейшего времени

Как думаешь, чем кончится тревога?

.....

Слышал ли ты когда,

Чтоб мёртвые из гроба выходили

Допрашивать царей, царей законных,

Назначенных, избранных всенародно?..

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

Почти неприметный пассажир ехал в пригородном поезде, установив в ногах чемоданчик на молнии, крепко сжимая его пятками. Это был Ваня Чмотанов. Именно он — автор событий, потрясших весь цивилизованный мир в 197... году.

Поезд шёл в город Голоколамск. Пассажиров было негусто. Привычно клевали носами, просыпались, зевали и оглядывали местность, засыпанную февральским снегом.

Многие вздрогнули, когда двери в вагон отворились и вошли контролёры, щёлкая компостерами.

— Ваши билеты! — сказал толстый добродушный ревизор с пшеничными усами. Второй был тощ, с туберкулёзным лицом. Он гнал перед собой безбилетницу лет пятидесяти. Она доказывала, что не могла успеть взять билета. Тощий молча подталкивал её в спину щипчиками.

Холодок пополз в животах пассажиров. Проверка каких-никаких, а документов.

Билета не было у Вани Чмотанова. Он на мгновение смутился, но вспомнил о множестве бумажников в карманах пальто, приготовился выслушать негодование общественности и отдать трёшку. Неожиданно идея осенила Ваню. Он растегнул молнию на чемодане и, глядя в голубые глаза толстяка-ревизора, поманил его пальцем.

Ревизор надменно поджал губы. Ладно, он получит рубль, но не теряя собственного достоинства, — и нагнулся к Ване. Чмотанов открыл крышку. На толстом слое ваты, охваченная смертным сном, лежала... голова. Черты лица головы

были знакомы до боли. Бородка, острые скулы, огромный покаты́й лоб и обширная лысина. Ваня нагло рассмеялся.

Ревизор чмокнул губами и закачался. На миг лицо его посинело, как от удушья, щёки прыснули щетиной.

— Вот так билетик... — прошептал он и пробил себе компостером ноздрю.

Шатаясь, толстяк пошёл навстречу тощему, обнял за плечи и с нечеловеческой силой повлёк из вагона. Тощий безучастно подчинился.

Ваня застегнул чемодан, глянул в окно и отдался потоку воспоминаний. Казалось, прошло сто лет, а ведь ещё утром...

* * *

В юности Ваня Чмотанов учился в хлебопекарном техникуме. Занимался хорошо, учителя не могли нахвалиться. Конечно, стипендии не хватало, Ваня кое-как сводил концы с концами. Перед защитой диплома Ваня практиковался на Опытно-показательном хлебозаводе-полуавтомате имени Урицкого. Неожиданно он догадался, как можно улучшить положение с продовольствием. Каждый вечер привозили контейнеры с дрожжами в картонных коробках. Каждое утро Ваня выносил под платьем смятое в лепёшку нежное светло-коричневое вещество. Тёплый запах дрожжей окружал Ваню, но отравленные самогоном вахтёры (они варили его «на конус» тут же, в своей будке, переделав электропечь «Чудесницу») не слышали духа выносимого продукта.

Однажды «Чудесница» сломалась. Вахтёры стояли трезвые и злые, и наивно-му обогащению Вани пришёл конец.

— Что-то у тебя, как у бабы, раздуло! — сказал вахтёр, ткнув Ваню в непомерный бюст. Вмятина от кулака так и осталась.

— Мускулы! Я спортсмен! — холодея, прокричал Чмотанов, но с него сорвали уже пальто и потрошили разорванную рубаху. Выбрали дрожжей 74 килограмма 250 граммов и бублик.

Бублик вызвал особое негодование суда и публики.

— Мало народных дрожжей подсудимому! — гремел прокурор. — Ему бублички подавай! Работать — его нет, а на сладкое тянет! — Он с возмущением тыкал пальцем в бублик, подшитый к делу в качестве вещественного доказательства.

Судью поразило то, как до неприличия походил Ваня на молодого Владимира Ульянова. Все видели татаро-монгольский разрез глаз, скулы, пушистые ресницы — удивительный образ того, великого, который пошёл другим путём. Чмотанову этого простить не могли, но никто не высказал вслух и намёка. Ваня получил десять лет.

В лагере Ваня прошёл свои университеты.

Каждый праздник с его помощью приготавливали живую картину: строили из смолистых брёвен подобие броневика, Ване взамен рваного ватника выдавали из реквизита КВЧ старомодное пальто и кепи и ставили на брёвна, приказав вытянуть руку в сторону полей и лесов за проволокой. Развевался кумач, прожектор с ближней вышки выхватывал вдохновенное лицо Вани-Ильича; администрация запевала любимые песни вождя.

Урки добродушно, но тихо гоготали, подталкивая друг друга, а по окончании торжества обучали Ваню своим наукам. Искреннее восхищение Ваниных соратников по бараку вызывали его пальцы: длинные, стройные, с выпуклыми миндалевидными ногтями.

— Хорошо работать будет Ваня. С такими пальчиками пояс снять и одеть — не заметят, не то что бублик.

Чмотанов вышел в полсрока, но сел снова Чмотанов года через три: пытался вынуть бумажник у посла иностранной державы, когда тот любовался в Третьяковке «Троицей» Рублёва.

* * *

Итак, февральским днём 1970 года Ваня работал в очередях в ГУМе, где выбросили импортные подтяжки. Собралась чудовищная толпа, захваченная единственной страстью: дойти до прилавка и получить свою пару небесного цвета с блестящими стальными пряжками. Ваня взял тринадцать бумажников и решил устроить обеденный перерыв. Ел он долго, не торопясь, на верхнем этаже гостиницы «Москва». Затем Ваня вышел пройтись и был привлечён огромной очередью, тянувшейся из Александровского сада. Чмотанов побродил, подыскивая клиента, но публика двигалась небогатая, лучше сказать, бедная. Он продвинулся вперёд по очереди и поработал с попавшимся прибалтом. И спохватился: слишком уж близко пододвинулся к гранитному кубу, и выйти сейчас — значит привлечь ненужное внимание. Мысленно выругавшись, Ваня побрёл со всеми.

— Подождёмся к черте! — командовал старшина милиции. — Строго по два! Строго по два!

Ваня поёжился. «Точно в санпропускник идём», — огорчился он.

— Правее подождёмся!

Прямым углом очередь повернула к дверям мавзолея и сняла шапки. Тихо вошли в полумрак, откашлялись и спускались вниз.

— Не отстаём! Не останавливаемся! Строго по два! — негромко предупредил офицер с голубой повязкой на рукаве.

Пройдя два пролёта, Ваня повернул направо и стал подыматься по лестнице. Розовый свет лился из стеклянного ящика, сверху громоздилась чугунная пирамидка, повторяющая очертаниями мавзолеей. Стеклообразные боковины украшали

гербы и флаги из литого чугуна. Внутри в красноватом свете лежал Он. Невольно замедляли шаги граждане, но офицеры молчаливо оттесняли подальше от гранитного барьера к стене, торопили проходить и делали знаки друг другу, поднимая два пальца.

Он лежал в тёмно-оливковом френче, в той же позе и с тем же выражением усталости, с каким его застала смерть.

— Скорее пройдем! — бормотала охрана.

«Человек двенадцать стерегут, не меньше», — подумал Ваня. Выходя наверх по лестнице, он заметил портьерки и жёлтые латунные двери. Отделившись от потока, бегом поднимавшегося наверх, потрясённого не столько образом Его и пережитыми чувствами, сколько молниеносностью посещения, Ваня шагнул за портьерку и встал там, никем не замеченный. Он ещё не понял, зачем ему это понадобилось. На всякий случай проверил, заметят ли. Не заметили. Ваня быстро вышел и смешался со всеми.

Идя вдоль кремлёвской стены, Ваня осознал, что за идея неожиданно оформилась в голове.

Под стеклом лежали миллионы.

«Рокфеллер, в газетах пишут, коллекционирует мумии голов узников Бухенвальда, — размышлял Ваня. — И платит за них сотни тысяч в валюте. Купить домик с огородиком на Кавказе. Жениться на Маняше. Сотни тысяч за голову безвестного каторжника, миллиарды — за голову гениального зодчего. Миллиардов сорок дадут, а то и двести...»

* * *

На другой день Ваня подходил к удивительному по простоте линий сооружению, но вместе с тем и величественному, за дверями которого лежали все капиталы Америки и Африки, вместе взятые. При Ване было: нож, хирургическая пила, пластмассовый баллончик со сжатым сонным газом (за недорого отдали на Минаевской толкучке), превосходный набор отмычек для банковских операций, электроминоискатель и то, что за границей называется вдохновением.

Чувствуя себя необыкновенно ловким и сильным, Чмотанов мягко ступал последним.

Офицер отвернулся посмотреть, не остался ли кто в гранитном тамбуре. Ваня скользнул к саркофагу. Безмолвные часовые, стоявшие по углам, как прежде заметил Ваня, спали, дыша ровно и не мигая. За одного из них Чмотанов и спрятался.

Офицер проверил пломбу в поддоне саркофага. Словно рысь, следил за ним вор века. Дежурный снял чехол с телефона и набрал номер.

— Аллэ, аллэ. Жорик? Это я, Шолкин. Закруглился. Всё в порядке. Что-что? Ха-ха. Волосы в бороде! Вот будешь завтра дежурить, тогда и считай... Ха-ха. Пока.

Потом офицер снова позвонил.

— Позовите Нинель. Аллэ, Нинель? Здравствуй, дусик. Еду к тебе, моя девочка. С работы звоню. Порядок. Все ушли, один я остался. В оперетту? Очень мило. А потом к тебе? Еду. Пока.

Офицер зевнул и, воткнув штепсель сторожевой системы, вышел в жёлтую латунную дверь.

Чмотанов зашевелился, подкрался к розетке и выключил иностранные хитрости. Поудобнее устроился рядом с телефонным столиком за портьеркой и отдался потоку мыслей о будущем.

Сменялись караулы, топя сапогами. Негромко командовал разводящий.

Пробило полночь.

Час ночи.

Два.

— Кось! — сказал наружный часовой.

В подземелье голос солдата раскатывался, как в бочке. Чмотанов замер.

— А? — вполголоса отвечали.

— Злодей этот Шолкин.

— Злодей, — согласился второй.

— Ты, говорит, если ещё хоть раз пропустишь политинформацию — всю зиму в наружке простоишь. Через час, говорит, стоять будешь.

— В декабре я нос из-за него отморозил — три часа стоял через час. Градусов тридцать было.

— Это он любит.

— Ох-хо-хо, скоро ли пересменка?

— Три четверти пробило.

Ровно в три часа ночи Чмотанов натянул респиратор и открыл баллончик с сонным газом. В склепе зашипело. Часовой сон превратился в наркотический.

Пробило четверть четвёртого.

Чмотанов встал и подумал: «Размяться бы». Он залез на саркофаг, сделал на руках стойку и походил немного. Затем спрыгнул и быстро сорвал пломбу. Осмотрев замок, Ваня коротко хохотнул. Вместо замка под трёхбородочный японский ключ вор века обнаружил обычный замочек от канцелярского стола.

— Средств не было! — хихикал расхититель, отпирая замок булавкой.

Он поднял стеклянный верх на петлях, словно кузов автомобиля, и залез на ложе. Став рядом с Ильичём на колени, Ваня вынул пилу. Осторожно, как мину, приподнял он голову с налѣженного места, и... голова осталась у него в руках. Положив её рядом с собой, Ваня лихорадочно, словно золотоискатель, сунул руку в отверстие, прикрывавшееся головой, и нащупал что-то комковатое.

Он вытащил горсть обыкновенной пробковой крошки.

— Это как же так... — ошеломлѣнно сказал Ваня. На глаза навернулись слѣзы. Он схватился за кисти рук, будто утопающий, — и они, твёрдые и холодные, как железо, отвалились. Из рукавов посыпалась толчѣная пробка.

Страшный гнев охватил Ваню Чмотанова. Невидящим взором оглянулся он вокруг — сломать! разбить! Так подло обмануть его!

Донѣсса отрезвляющий бой курантов. Осталось полчаса до смены караула. Ваня завернул голову в тряпицу и сунул за пазуху. Спрятал под платье не понадобившийся инструмент, закрыл крышку саркофага.

Тоска душила Ваню. Он подошёл к сопевшему часовому и толкнул его кулаком в живот.

— Чаво? — спросил часовой. Он стоял смирно и, не мигая, глядел на Ваню.

— Плохо служишь! Побывали здесь до меня.

— Так точно, товарищ капитан.

— Завтра под суд пойдѣшь.

— Служу Советскому Союзу! — прохрипел часовой и засвистел носом.

Чмотанов поднялся по лестнице, тихонько потянул на себя стылую бронзу двери. В узкую щель Ваня увидел заиндевелую брусчатку площади. Гудели прожектора. В косой тени стоял часовой — вольно, чуть пристукивая каблуком о каблук.

«Ишь, распустились! — с неожиданной злобой подумал Ваня. — Четвёртый час ночи — они и рады, что никто не видит. Ишь, встал, будто семечки покупает!»

Ваня достал из кармана кепку с большим козырьком, нахлобучил на уши, поднял воротник...

* * *

Часовые остолбенели. Из чёрного проёма двери, бочком, протиснулся Владимир Ильич. Щурясь от резкого света, он искоса снизу взглянул на лицо белобрысого солдата и ловко подхватил выпавший из его рук карабин:

— Остожнее, товагищ! Дегжите погох сухим.

Ильич вложил карабин в безвольную руку часового, осторожно потрогал пальцем лезвие плоского штыка и покачал головой:

— В наше время красноагмейцы лучше относились к огужию. Сознаться, батенька, ведь штык — туповат?

— Туповат, товарищ... Владимир Ильич, — выдохнул белобрысый. И позабыл, что надо дышать. Его товарищ, смуглый парень, закатив белки, медленно сползал, обтирая спиной стену из чёрного лабрадора.

— Вы из каких мест будете, товагищ? — остро глядя на белобрысого и ухватившись за лацканы пальто, спросил вождь мирового пролетариата.

— Вологодские мы... — просипел часовой.

— Значит — шутить не любите! — резюмировал Ленин. — Тогда — погощайте! И помните — импегалисты тоже шутить не любят. Так и пегедайте товагищам...

Ильич ловко взял под козырёк и деловитой походкой зашагал вдоль трибун к Историческому музею.

— Очнись, дура! — пнул сапогом белобрысый своего напарника. Тот со стоном разлепил веки, поднялся, опираясь на карабин.

— Слышал, как я тут с Лениным разговаривал? — спросил вологодец. — Наказ его знаешь — всё беречь и никому не отдавать?..

— Докладывать будем? — простонал смуглый.

— Кому? Лейтенанту? Нос у него не дорос, ему докладывать... Я — Ленина видел, а он — что? Пусть он на политзанятиях докладывает...

Чмотанов подошёл к Историческому музею. Отделившись от стены, к нему шагнул человек в штатском. Он заглянул Чмотанову в лицо, открыл рот — да так и застыл.

— Здагствуйте, товагищ! — не вынимая рук из карманов, кивнул агенту Чмотанов и свернул за угол.

Агент прирос к асфальту. «Докатился, — мелькнуло в его мгновенно вскипевшем мозгу. — Не зря баба пилит: “Не пей! не пей!” Уже и Кузьмичи мерещатся...»

* * *

Чмотанов миновал Лубянку, когда далеко-далеко куранты проиграли четыре часа ночи.

Простота похищения разочаровала Ваню. К чему все приготовления, если его изодрённой изобретательности не предвидели хранители древности?

— В Египте потруднее было, — с обидой рассуждал Ваня. — Лезешь в усыпальницу к фараону и вдруг — хлоп! — плита позади падает. Или в лабиринт попадёшь — рыдай, пока не сдохнешь...

Полный тоски и безучастности, Ваня выехал в Голоколамск к знакомой вдове, его верной подруге Маняше, чтобы отдохнуть и обдумать дальнейшее. Дело предстояло трудное. Снова Чмотанов почувствовал в душе разгорающуюся любовь к риску и удаче.